УДК 130.2

ALEXEI VALER'EVICH MALINOV

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Russian philosophy and culture
Saint Petersburg State University.
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9.
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Political Slavic studies of V.I. Lamansky

The article considers the evolution of the views of the St. Petersburg University Professor Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914). Lamansky was the largest Slavicist of its time, the founder of the so-called «historical school of Lamansky» in Russian Slavic Studies. In his research and teaching activities, he started from the provisions of the Slavophile doctrine. Lamansky first works were devoted to issues of «Russian selfconsciousness», the necessary stimulus for the development of which he considered the study of the history and literature of the Slavic peoples. Slavic studies was the main scholar specialty of Lamansky. However Slavistic studies led him to the formulation of historiosophical or, according to its classification of «political-geographic» doctrine of the Greek-Slavic world. The centerpiece of the civilizational conception of Lamansky was Russia, so their general works he came to realize the necessity of expansion of Rusistics studies.

Keywords: *V.I. Lamansky, Slavic studies, Greek-Slavic world, geopolitics, civilization, Russian studies, Slavophilism, Slavs.*

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

доктор философских наук,
профессор кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургского государственного университета,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9.
Тел.: 8 (812) 328-94-40, a.v.malinov@gmail.com

В статье рассматривается эволюция взглядов профессора Петербургского университета Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Ламанский был крупнейшим славистом своего времени, создателем научной школы, так называемой «исторической школы Ламанского» в отечественном славяноведении. В своей исследовательской и преподавательской деятельности он исходил из положений славянофильского учения. Первые работы Ламанского были посвящены вопросам «русского самосознания», необходимым стимулом развития которого он считал изучение истории и литературы славянских народов. Славяноведение стало основной научной специальностью Ламанского. Однако занятия славистикой привели его к формулированию историософского или, согласно его классификации «политико-географического» учения о греко-славянском мире. Центральное место в цивилизационной концепции Ламанского занимала Россия, поэтому в своих обобщающих трудах он пришел к осознанию необходимости расширения россиеведческих исследований.

Ключевые слова: *В.И. Ламанский, славяноведение, греко-славянский мир, геополитика, цивилизация, россиеведение, славянофильство, славянство.*

Политическое славяноведение В.И. Ламанского*

В 1915 г. одесский профессор И.А. Линниченко озаглавил отклик на смерть Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) «Патриарх русского славяноведения» [1]. Почти столетие спустя это заглавие воспроизвела в своей статье О.В. Саприкина [2]. При всей справедливости такой номинации (Ламанский был крупнейшим славистом XIX в., основателем научной школы) и лестности библейских ассоциаций, сам Ламанский едва ли согласился бы с данной ему характеристикой, поскольку «патриархом славяноведения» и «первым научным апостолом славяноведения» называл аббата Иосифа Добровского (1753–1829).

Однако, как это не покажется странным, славистика, ставшая делом жизни Ламанского, не была главной целью его жизни; не она определяла ценностные и смысловые установки его деятельности. В мировоззренческом и экзистенциальном измерениях Ламанский сознавал себя славянофилом, наследником «московского кружка» 1840-х – 1850-х гг. Славистика поставляла иллюстративный материал для славянофильских теорий, например,

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-03-00450).

подтверждая или, напротив, опровергая панславистские мечтания. Она служила приложением славянофильских концепций, позволяла верифицировать славянофильские идеи, наполнить их конкретным содержанием. Так, Ламанский старался проводить славянофильскую точку зрения в преподавании славяноведческих дисциплин, прежде всего, истории и литературы славян, а также при изучении «славянщины». В то же время, славистика позволяла сделать из славянофильства более практичное применение, а именно, переложить его на язык политической теории и практики, превратить славянофильство в реальную политическую силу. Славистика выступала для Ламанского прикладным славянофильством, где любовь к соплеменникам принимала форму любви к знанию, а «филия» преображалась в гнозис. Не случайно Ламанский считал себя в большей степени историком и политическим мыслителем, чем филологом-славистом.

Такое понимание славяноведения требовало широты научного мировоззрения и масштабности выдвигаемых задач. Не славянская филология в ее частных проблемах занимала Ламанского, а обоснование необходимости общеславянского научного, литературного и дипломатического языка. Не славянская история в ее домашних изводах интересовали Ламанского, а цивилизационная концепция трех миров, кирилло-мефодиевская идея (восстановление богослужения на славянских языках у западных и южных славян) и восточный вопрос (определение границ греко-славянского и романо-германского цивилизационных миров). Даже изучение истории Академии наук в XVIII в. и жизнеописание М.В. Ломоносова Ламанский воспринимал как борьбу с современным ему засильем немецких ученых в Академии наук и дополнительную аргументацию за русификацию отечественной науки.

Программной в этом отношении стала его статья «О распространении знаний в России», опубликованная в журнале «Современник». Исходя из широкого понимания задач русской науки, Ламанский сформулировал ряд проектов, которые впоследствии пытался реализовать на практике. В качестве условий развития науки он отмечал доступность знаний, распространение результатов научных исследований и единство различных разделов знания. Слабой стороной русской науки он считал «недостаток источников и проводников знания» [3, с. 13]; отсутствие публичных лекций, способствующих популяризации знаний; малочисленность научной литературы, в том числе, популярных руководств и переводов классических сочинений. Необходимость в такого рода литературе была тем более острой, поскольку «мысль, передаваемая родным словом, действует сильнее, глубже западает в душу» [3, с. 15]. Пока даже Академия наук в Петербурге, сетовал он, нередко печатала свои труды на немецком языке. «С строго-научным изложением и с главнейшими вопросами науки, – отмечал Ламанский, – можно только ознакомиться из иностранных сочинений, так как литература наша еще весьма бедна оригинальными сочинениями. <...> крайне необходимы переводы классических иностранных сочинений по всем наукам» [3, с. 16]. Потребность в переводах вызвана и необходимостью усвоения существующей научной терминологии. По мысли Ламанского, взять на себя заботу по изданию научной, в том числе переводной, литературы, а также популяризации знаний должно было «Общество Распространения Знаний». Отчасти этот замысел Ламанского реализовал его младший брат Нестор Иванович, основавший кооперативный союз переводчиков и наборщиков, издававший переводную политико-экономическую литературу. Для самого Владимира Ивановича прообразом такого общества служила деятельность Н.И. Новикова и И.Г. Шварца в XVIII в. [3, с. 36]. По сути, проект Ламанского представлял собой развитие просветительских представлений, осложненных романтическим идеалом народности. Если для просветителей XVIII в. самодеятельность общества в научной и культурной сфере ограничивалась узким кругом образованного и привилегированного сословия, то Ламанский ратовал за приобщение к знаниям широких слоев населения. Не без сожаления он писал: «Знания у нас все еще остаются какою-то аристократическою привилегиею» [3, с. 45]. Новое «Общество это должно быть образовано в Москве, главном центре русского просвещения» [3, с. 28].

«Общество Распространения Знаний», полагал Ламанский, должно состоять из двух отделов: физико-математических и нравственных наук. Отдел нравственных наук, в свою очередь, делился на разряды: 1) философский, теоретический, 2) исторический, который в свою очередь подразделялся на классы: классический мир, западноевропейский, восточноевропейский или славяно-русский, восточноазиатский. Любопытно понимание Ламанским содержания философского знания, которое ограничивалось философской антропологией (в широком смысле) и социальными науками. «Разряд, называемый мною философским, – писал он, – может быть разделен на два класса, из коих один занимается изучением законов природы человека, как существа нравственного, следовательно, сюда относятся философия, психология, логика и проч.; другой же класс занимается изучением законов общества человеческого, изучением природы человека, как животного общественного, следовательно, сюда принадлежат науки юридические» [3, с. 32–33]. Обучение Ламанского в университете пришлось на ту пору, когда преподавание философии сводилось только к двум предметам (логике и психологии), а кафедры философии в университетах и вовсе были закрыты. Примечательно здесь не ограниченное понимание задач философии, следующее из ограниченности ее преподавания, а убежденность в необходимости самой философии.

Формирующиеся научные интересы Ламанского (более четко обозначившиеся несколько позже) требовали особого внимания классу славяно-русскому, который должен заниматься не столько переводами, сколько изданием оригинальных сочинений. В этой статье Ламанский, вероятно, впервые печатно упо-

требил выражение «греко-славянский мир», развернутое обоснование которого впоследствии нашло отражение в его геополитической концепции. Поясняя, что же он понимает под греко-славянским миром, Ламанский писал, что «мир греко-славянский, то есть Россия, ее единоверцы и соплеменники, и те иноплеменные государства, которые и по этнографическому составу своему и по своим историческим судьбам, принадлежат более к миру восточно-европейскому, чем к западному, именно Турция, Австрия и прежняя Венеция. Сюда же входят те инородцы и иноверцы, судьбы которых тесно соединены с судьбами России и остального мира славянского, а именно литовцы, албанцы, финны и другие народы азиатские» [3, с. 33]. Изучению греко-славянского мира Ламанский посвятил две свои наиболее известные монографии: «Об историческом изучении греко-славянского мира» (докторская диссертация, 1870) и «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), а также два издательских проекта: журнал «Живая старина», выходивший под редакцией Ламанского с 1890 по 1912 г., и журнал «Славянский мир», который не был дозволен министерством [4; 5, с. 52–71].

Помимо переводов по истории различных славянских стран и народов, а также Австрии, Венеции, Турции, Греции, Албании, Литвы, в задачу славяно-русского класса входило издание славянской хрестоматии, по крайней мере, по чешскому, польскому и сербским языкам с историческими и филологическими комментариями. Издательские планы дополнялись переводами сочинений иностранных путешественников о России до Петра I с комментариями, переизданием лучших сочинений по русской истории отечественных исследователей, сборниками лучших статей русских авторов за прошлые годы, полным, систематическим изданием славяно-русских рукописей, т. е. памятников древней славянской письменности. Здесь же Ламанский высказывался в поддержку идеи О.М. Бодянского об учреждении «Центрального хранилища славяно-русских рукописных памятников для средней России».

К другим задачам общества можно отнести «очищение и развитие в России здравого эстетического вкуса», всестороннее поощрение детской и народной литературы, открытие в Москве общественной библиотеки. Главную же цель общества Ламанский видел в «издании полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского в сокровищницу общечеловеческого просвещения» [3, с. 39]. Стоит отметить, что проект «полной русской энциклопедии наук» перекликается с подготовкой в 1916–1918 гг. обширного сборника на русском и французском языках «Русская наука», который редактировал А.С. Лаппо-Данилевский [6]. Примечательно, что избрание Ламанского в 1900 г. в Академию наук состоялось именно по инициативе А.С. Лаппо-Данилевского.

Для сбора необходимых средства на организацию общества Ламанский предлагал образовать «*“Русскую Матицу” или народный капитал из добровольных пожертвований для издания особых книг и сочинений*» [3, с. 40]. Признавая, что эту идею он заимствовал у сербов, он, в качестве примера приводил в статье циркуляр об учреждении «Матицы Чешской» (1830) [3, с. 40–44].

Статья «О распространении знаний в России» – одна из первых публикаций Ламанского и первая самостоятельная статья (прежде Ламанский напечатал несколько рецензий) – отличается широтой понимания русской науки и стоящих перед ней задач. Из такого понимания Ламанский исходил и при преподавании славяноведения в Петербургском университете, подтверждением чего может служить опубликованная десятилетие спустя его публичная лекция. Здесь он более определенно говорит о науке, прежде всего исторической, как форме народного самосознания. По словам Ламанского, «В Русском общественном сознании носятся самые разнообразные и часто совершенно противоречивые учения или отрывки понадерганных нами учений, без разбора перенесенные с Запада на Русскую почву. Выросшие там, под особенными историческими и местными условиями, все эти различные теории очень часто находятся в решительном несогласии с основными воззрениями Русского народа, с нашим просветительным началом, так что для нас является крайняя необходимость философской и исторической критики просветительных начал Греко-Славянского и Романо-Германского мира, строго научного разбора и определения их особенностей и их взаимных отношений» [7, с. 147]. Взгляда на историю как науку народного самосознания придерживались многие современники петербургского ученого (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, М.О. Коялович и др.). В основе такого подхода лежала гегелевская идея познания другого как познания самого себя. Именно знакомство с историей Европы и европейскими научными теориями позволяет лучше понять историю своего народа и государства. Западноевропейские концепции не только дают понятия и методы для познания русской истории, но и показывают их ограниченность и не полную адекватность для анализа и оценки русского материала. Все это стимулирует критическое отношение к европейской науке и разработку новых теорий и научных понятий, пригодных для постижения русской истории и культуры. Приобщаясь к европейской науке, изучая европейскую историю, мы познаем ее как «свое-иное», позволяющее лучше понять специфику русского исторического бытия. «Образ России и вообще мира Славянского только тогда предстанет нам в возможной ясности, когда мы лучше узнаем сами себя и все понятия и представления о нас народов иноверных и иноплеменных», – замечал Ламанский в своей магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» [8, с. 370]. Однако его магистерская диссертация представляла собой в большей степени историческое сочинение, опирающиеся на факты славянской истории, почерпнутые их многообразных источников. Докторская же диссертация Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира» была в узком смысле историографическим ис-

следованием. Однако за историографическим разбором европейских концепций и учений о славянах стояла уже историософская теория о самобытности греко-славянского мира, о его цивилизационной самостоятельности и состоятельности.

Но если историю Западной Европы мы воспринимаем как необходимый предел, дающий возможность обрести большую определенность во взгляде на нашу собственную историю, то история, культура, литература славянских народов не отличается той инаковостью и чужеродностью, которая характерна для истории Европы. Это, так сказать, наше ближайшее инобытие. Если от европейской истории и науки русская историография отталкивается, то к славянской истории притягивается, ища в ней подобия и аналогии, единство и сродство культурных форм и динамики исторических процессов. В той же магистерской диссертации Ламанский подчеркивал необходимость изучения истории славян для постижения как России, так и Европы. «Обращение с остальным миром славянским и его изучение, – писал он, – в высшей степени важны для России, так как 1) Россия весьма много получила от своих соплеменников, весьма многим им обязана: если бы не они, то сама судьба ее была бы теперь иная; 2) конечно, не в отношении политическом, а в отношении своих нравственных исторических подвигов, для совершения которых призвано Провидением всякое колено земное, Россия одна еще не составляет одного самостоятельного целого, а есть только одна органическая часть целого мира Славянского, который в свою очередь есть только один, хотя и великий, член всей семьи человеческой: не может же без взаимнодействия и общения частей совершаться в организме правильное отправление всех его жизненных сил, иначе же ему угрожает смерть и уже всегда его постигают искажение и безобразие; 3) некоторые из соплеменников наших не мало приняли участия в многовековой, блестящей жизни Запада, мира Романо-Германского, образованности которого Россия столько уже обязана, что и ставит ее в необходимость изучать исторически, подвергать внимательному и строгому аналитическому разложению эту образованность, одною из стихий которых оказывается между прочим Славянская. Так как в то же время эти соплеменники наши не теряли сознания своего Славянского происхождения, и никогда не переставали принадлежать вместе с тем и к миру Греко-Славянскому, значительнейшим представителем которого Россия, то изучение их судьбы и составляет непременную ее обязанность. В этом отношении для России в высшей степени важно изучение мира Греко-Славянского: оно уясняет ей собственное ее призвание и назначение в истории человечества, служит ей переходом к самостоятельному изучению и объяснению судеб мира Романо-Германского» [9, с. 115–116]. Магистерская диссертация Ламанского не была вызвана потребностями преподавательской деятельности. Напротив, защита диссертации позволила ему перейти на поприще научно-педагогическое. Однако уже здесь видно, что изучение славянства не было для Ламанского самоцелью. Преподавание славяноведческих дисциплин, его славяноведческие исследования впоследствии это только подтвердили.

Установка на понимание славистики как формы русского национального самосознания не осталась лишь романтическим следом науки середины XIX в., она была воспринята учениками Ламанского. В качестве примера можно привести цитату из статьи Н.П. Дашкевича, опубликованной в сборнике, посвященном юбилею преподавательской деятельности Ламанского. «Наши дни, – писал Н.П. Дашкевич, – зовут нас с особою настойчивостью к усилиям самопознания и к рассмотрению нашего прошлого не сквозь чуждые нам очки, а к более правильному и верному, – для того, чтобы мы могли с одной стороны искоренить действительные недостатки нашего национального характера и нашей жизни, указанные вековыми наблюдателями – нашими более просвещенными соседями, а с другой отчетливее развить не понятые ими лучшие стороны нашего национального типа и уклада» [10, с. 1413–1414].

Актуальность славяноведения, которое в пору обучения Ламанского в университете еще находилось в стадии научного становления, он выводил из нужд развития самой русской науки, искусства и литературы. В лекции он отмечал: «Вникнув в современное состояние Русской образованности, легко заметить, что самые насущные потребности и важные задачи Русского искусства, Русской литературы и наук, внушает каждому мыслящему Русскому гражданину непременное желание поближе узнать, поглубже изучить мир Славянский, его прошедшее и настоящее» [7, с. 117–118]. Изучение славянства, как видно из цитаты, ставится Ламанским в потребность «мыслящему гражданину», т. е. служит признаком как свободной и критически мыслящей личности, так и свидетельствует об ответственной гражданской позиции. Славяноведение Ламанский воспринимал в качестве средства воспитания русского общества, изменения русской жизни, решимости опираться на собственные силы, в том числе вырабатывать привычку к самостоятельному мышлению. «Вообще изучение Славянского мира и пробуждение в Русском обществе Славянского самосознания, – отмечал он, – укрепит и соберет разметавшуюся Русскую мысль и дряблую волю, сосредоточит наше рассеянное общественное сознание, приучит нас, для излечения наших язв и недостатков, обращаться не за море, ожидать спасения не из чужа, искать и находить его не вне нас, а в нас самих, в своем собственном усовершенствовании, во всестороннем развитии наших внутренних сил, в подъеме народного духа, в свободе и оживлении народного труда» [7, с. 146].

Необходимость мыслить самому, потребность в самостоятельном мышлении, вызванные изучением славянства, прежде всего, раскроются в самобытном русском любомудрии, т. е. в становлении и оформлении русской философии. «Усиление такого направления в нашей ученой литературе, – писал Ламанский о славяноведении, – обещает оказать самое благоде-

тельное влияние на самостоятельное развитие и действительные успехи всех отраслей знания в России. Оно прежде всего полезно подействует на подъем и оживление у нас философских знаний. Если, с одной стороны, без известной философской подготовки невозможна правильная постановка вопросов о началах и особенностях мира Греко-Славянского и мира Романо-Немецкого, об особенностях их отношения к миру до-христианскому, Греко-Римскому, то с другой стороны, самостоятельная критическая разработка важнейших вопросов по истории Греко-Славянского мира, его отношений к миру Эллинскому и Римскому, к миру Романо-Германскому непременно будет содействовать прямо (изучение ересей, богословских школ и т. д.) и посредственно углублению и укреплению Русской мысли, подъему философских знаний на желанную степень самобытного развития. Влияние же философии на все области человеческого ведения, между прочим, и естествознания, не подлежит сомнению» [7, с. 139]. Подтверждением справедливости этого рассуждения может служить деятельность самого Ламанского. Преуспев на поприще славянской истории и филологии, он заявил о себе в русской философии как самобытный мыслитель, автор историософской концепции трех цивилизационных миров, во многом предвосхитившей геополитические построения евразийцев [11].

Помимо философии изучение славянства благотворно скажется и на русской исторической науке. Большая доступность архивов; открытость дипломатических документов; изучение истории Польши, Чехии, Венгрии, южных славян, Византии, отношение славянских народов между собой и к другим национальностям – значительно расширяют области исторического знания. Однако пока же русская историография страдает теми же недугами, что и русская наука в целом. По словам Ламанского, «в науках исторических мы изучаем почти исключительно одни пособия, а не источники; в естественных не столько сами наблюдаем и работаем, сколько изучаем описания и работы иностранных естествоиспытателей» [12, с. 8].

В истории отечественного славяноведения Ламанский стоит если не у истоков, то, по крайней мере, в начале научного изучения славянства. К нему и И.И. Срезневскому восходит школа славистики в Петербургском университете. Уже в своей вступительной лекции он констатировал достижения славистики: «Редкая отрасль знаний в России может похвастаться такими успехами в такое короткое время: они всего лучше изобличают всю неверность и отсталость недавних криков и возгласов против Русской науки, против самостоятельности Русской мысли» [13, с. 1–2]. В записке, направленной в 1895 г. министру народного просвещения И.Д. Делянову, Ламанский обосновывал необходимость нового журнала «Славянский мир» именно успехами славяноведения в России. «Возникшее в России научное изучение славянства, – писал он, – сначала благодаря трудам Востокова и Калайдовича, просвещённому покровительству графа Н.П. Румянцева, настоящего себе преемника не имевшего, а затем основание в министерство С.С. Уварова при русских университетах (1835) кафедр славяноведения, отправка молодых учёных Бодянского, Прейса, Срезневского, Григоровича в славянские земли Австрии и Турции дали по истине блестящие результаты. Благодаря учёным трудам и преподавательской деятельности этих почтенных насадителей славяноведения в России, наши университеты и частью духовные академии за последние пятьдесят лет дали столько крупных учёных трудов, образовали целую плеяду более или менее видных тружеников: о русской науке стали говорить с уважением в Европе, не многие русские имена получили в ней почётную известность.

Бодро оживив изучение нашего прошлого и настоящего в разнообразных отношениях, успехи славянской филологии в России не мало помогли и самостоятельному в ней изучению германской и романской филологии, а занятия русских славянскою историею привели к самостоятельному у нас изучению и лучшему пониманию средневековой и новой европейской истории, преимущественно истории старой Германской империи, восточной Германии, т. е. Пруссии и Австрии, Венецианской республики, истории латинства и протестантства в восточной Европе, истории Византии, Турции, новой Греции» [14, л. 22 об.]. «Вообще России ни её прошлое, ни её настоящее, – продолжал он, – ни, смею думать, её будущее не позволяют отставать от какой-либо европейской страны в исследованиях изучения славянского мира во всех отношениях. Всякая наша остановка в этой научной работе была бы шагом назад для русского самосознания» [14, л. 24].

Ламанский был убежден, что именно русским ученым суждено добиться наибольших успехов в славистике. Залог этого он видел в тех исторических условиях, в которые поставлен русский народ: наличие собственной государственности и развитие литературного языка. Во время своей первой заграничной командировки он писал родителям из Праги 1/13 июня 1862 г.: «Вообще, знаете, мало ещё русских, хорошо знающих славянские дела, но из знающих их или интересующихся ими, конечно, они одни из всех славян лучше, яснее понимают дело. Говорю это без всякого желания хвастаться. Этою ясностью понимания мы обязаны не себе лично, а нашей великой истории, нашему великому народу. Когда-то наши дураки сообразят, почувствуют это» [15, л. 18].

Уверенность в перспективах славяноведения придавали и последующие события. В 1867 г. в Москве состоялась Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд, во многом стимулировавшие интерес к изучению славянства. В речи на торжественном обеде, посвященном встрече славянских гостей, Ламанский провозглашал: «Съезд славянских представителей и корифеев в Москве может стать *поворотною точкой, открыть новую эпоху в истории славянского мира*» [16, с. 86]. Новая эпоха предусматривала не только возможность культурного или даже политического сближения славян, но, в первую

очередь, интенсификацию взаимного познания, культурного обмена, распространения идей славянского единства и взаимности, а главное (заветная мечта Ламанского), распространение русского языка. В речи, произнесенной в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе 11 мая 1877 г., приуроченной к десятилетию славянского съезда, Ламанский отмечал: «Как бы ни старались умалять значение Славянского съезда в России, но справедливость требует признать за ним большое влияние и на Русское общество, и на Славян Западных. В Европе тогда же, в разных ее краях, было замечено, что Славянство охвачено тем же чаянием великих готовящихся судеб и тем же стремлением к единству, которое незадолго перед тем преобразили внешний вид Италии и Германии. Никогда в такой степени, как с этих пор, не изучались Русский язык и литература в землях Славянских. Число Славянских переселенцев (особенно Чехов) значительно с той поры умножилось, как видно увеличилось с того времени число Русских путешественников и туристов в землях Славянских» [17, с. 454]. Все эти факты свидетельствовали об усилении русского влияния в славянских землях, что прямо сближало славяноведение с политическими науками, а порой и политической практикой. При этом надо учитывать, что наиболее эффективным средством влияния Ламанский считал русский язык, видя в нем реальную геополитическую силу. «Успешное развитие Славяноведения в России, – замечал он в одном неопубликованном фрагменте, – много также содействовало усилению нравственного авторитета и умственного влияния нашего отечества во всех славянских землях, не мало помогло распространению среди разных наших современников русского языка, русской книги» [18, л. 42 об.].

Многолетнее преподавание славяноведческих дисциплин, изучение истории, языка и литературы славянских народов способствовали выработке Ламанским как общенаучной, так и частнонаучной методологии и приемов исследования. В своих лекциях он охотно делился со студентами своими наблюдениями над научной работой. В качестве основы профессиональной этики он выделял добросовестность и критическое отношение к предмету. В рецензии на книгу А.Н. Пыпина «История русской этнографии» он писал: «Чистые сердцем конечно узрят Истину, но в деле научного знания для ученого *чистота сердечная* есть добросовестность, она требует скепсиса, постоянной проверки, внимательности ко всем мелочам и подробностям, крайней осторожности в выводах и заключениях» [19, с. 230]. С этой точки зрения Ламанский критиковал, например, даже столь ценимого им К.С. Аксакова, считая, что в ряде своих работ московский славянофил был не ученым, а увлекающимся дилетантом.

К общим требованиям научного исследования, полагал Ламанский, надо отнести нейтральность, беспристрастность подхода и бескорыстный поиск истины. «При изучении научном, – обращался Ламанский к студентам, – надо прежде всего стараться о том, чтобы во время наблюдения фактов и явлений не позволять себя предупреждать вопросом, как те или другие факты либеральны ли они, или нет, нравственны или безнравственны. При научном изучении надо удалять от себя вопрос о ближайшей пользе; это – вред для успеха научных занятий. Не надо думать, что естественные науки, так много давшие для пользы жизни, при своем развитии и важном для жизни прогрессивном своем шествии, руководились какими-нибудь практическими выводами. Великие открытия гениальных ученых совершались просто, без всяких предвзятых исканий фактов. К науке надо пристраститься, предаться ей без всякой мысли о конкретной пользе, науку надо уважать саму по себе. “Муза не такая девка, чтобы ее можно изнасиловать”, – говорит отец русской науки – Ломоносов» [20, с. 44–45]. Справедливости ради надо заметить, что пристрастное отношение к предмету Ламанский позволял себе только в публицистике. Его лекции можно отнести к жанру добротной школьной литературы. В них он сознательно избегал крайних оценок и резких суждений. Слушавший его лекции С.Ф. Платонов вынес от его занятий впечатление невыносимой скуки: «Перед нами был всегда скучавший, сонный и рассеянный человек, очевидно тяготившийся преподаванием, охотно пропускавший свои лекции и легко терявший нить изложения не только от лекции до лекции, но и на одной и той же лекции. Лишь изредка, в счастливые минуты, Ламанский оживал и воодушевлялся, иногда по поводу ничтожной мелочи, случайно попавшей ему на язык, тогда он вырастал до своей настоящей величины, и мы с удивлением зрели его преображение. Но проходила краткая минута, и пламень гас, оставляя нас в привычных потемках скуки и недоумения» [21, с. 109].

Впрочем, сам Ламанский сознательно обезличивал лекции, часто сводя их по форме к пересказу фактологического и историографического материала. В одном из писем И.С. Аксакову (29 октября 1880 г.) он признавался: «Моё всегдашнее правило, чем мысль дерзче или смелее, тем незаметнее её пропускать. Тут своего рода невинное лукавство» [22, л. 143]. В другом недатированном послании тому же адресату Ламанский более подробно раскрывал свой преподавательский метод. «Было время, – признавался он, – когда я страстно любил действовать на окружающих, внушать им разные спасительные мысли и увлекать их к известным делам. С годами стал умнее и холоднее. Я теперь боюсь, напр[имер], увлечь слишком своих слушателей. Мне противно подумать, напр[имер], что я мог бы понравится большой толпе. Я столько эту толпу наблюдал и у нас и за границею, что в её жар и увлечение я не могу много верить. Этой аппретуры у меня нет и оттого, что нет во мне яркого дара живописания, и потому, что я её боюсь и стараюсь избегать. У меня принцип теперь, чем резче и смелее мысль, чем новее положение, тем мягче и нежнее, тем бледнее и бесцветнее моя речь. Это не эстетически и анти-художественно. Но на мысль слушателей и читателей оно действует сильнее, возбуждает в них самостоятельную работу.

Для многих это пройдёт мимо ушей. Такой способ изложения не обращает слушателей и читателей в толпу, напротив, из толпы выводит нескольких. Профессора, увлекающие массу студентов не создают школы и не имеют почти учеников. У Грановского, Костомарова, Миллера много восторженных почитателей, но нет школы, нет учеников. Очень может быть, что я и не создам школы, но я страстно желаю этого, лелею в себе эту мечту и полагаю в том единственно цель моего честолюбия. Наконец, многих привлекать к своему делу и привязывать к себе, как профессору известного предмета, я не могу, не должен и не хочу, а между тем Вы сами знаете, молодёжь особенно наша такова, что её легко увлекать и привлекать даже без особого дарования. Наконец, между моими товарищами сложилось мнение, что я человек пылкий, увлекающийся, что в решительные минуты в факультете и совете я являюсь как лёгкая кавалерия, стремительным наскоком нападаю на противника и нахрапом провожу своё мнение. В следствие всего этого, дабы иметь влияние, не увеличивать противодействия, я в университетской моей деятельности и с товарищами и со студентами стараюсь вообще быть потише и побесцветнее и в образе действий и в способе изложения. Апретурою же или кнутом я должен действовать как можно реже, ибо у людей правильно или неправильно сложилось убеждение, что я люблю стегать и стегаю больно. Мне нужно таким образом предписывать себе воздержание и удаление от многих дел, и часто приходится облекать мысли и предложения в самую невинную и бесцветную форму. Люди не сердятся, не тяготятся и соглашаются с ними охотнее. Это не формулы и предложения, а просто инструкции и наведения. Всем приятно иметь и проводить свои мысли. Большинство людей обыкновенно действующие по чужим указаниям и примерам не любят никогда в этом сознаваться. Понятно, что профессорская деятельность налагает свою печать и на писательскую деятельность. Вываливаю же разом много материала потому, что пишу мало, а работаю и придумываю относительно много» [22, л. 206–207].

Из письма видно, что в лекциях Ламанский намеренно не искал популярности, не стремился увлекать и вести за собой студентов, а, напротив, старался ненавязчиво донести до слушателей свои идеи и тем самым побудить в них самостоятельное (пусть и критическое по отношению к этим идеям) мышление. Так формировалась научная школа. Уже современники признавали существование «школы Ламанского». В качестве подтверждения приведу выдержку из письма К.Н. Бестужева-Рюмина, отправленного Ламанскому 2 (14) мая 1883 г. из Рима, в котором русский историк отмечал: «популярности Вы не искали потому, что Вам, как С.М. Соловьёву “некогда было её искать”, но Вы нашли нечто более прочное: Вы создали свою школу. Теперь уже многие ученики Ваши занимают кафедры и славяноведения и средневековой и русской истории. Для них, Ваших учеников, открыт новый мир – Греко-славянский, поле на котором <…> следует работать русским учёным. Завидная участь создать свою школу выпала на Вашу долю не случайно: Бог одарил Вас обширным, творческим умом» [23, л. 3, 3 об.]. Представление о составе «школы Ламанского» дают сборники статей, выпущенных его учениками [24–26]. Отдельный параграф ученикам Ламанского отведен в фундаментальной монографии Л.П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX в.» [27, с. 378–431]. Правда, здесь упомянуты только Ю.С. Анненков, В.Э. Регель, П.А. Сырку и И.С. Пальмов (ученик Ламанского по Санкт-Петербургской духовной академии). Реальный круг «школы Ламанского», конечно, значительно шире. О многих его учениках речь идет в других главах этой книги. К «исторической школе Ламанского» М.П. Лаптева относит около 30 ученых-славистов и историков (Ф.И. Успенский, Ф.Ф. Зигель, А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, М.И. Соколов, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, Н.В. Ястребов, А.Л. Погодин и др.). К ученикам Ламанского можно отчасти отнести и его зятя В.П. Семенова Тянь-Шанского.

Публикации учеников Ламанского подтверждали живучесть тех идей и концепций, источников и тематики, методов и приемов, которые последовательно проводил в своих исследованиях и лекциях их учитель. Лекции Ламанского, по большей части сохранившиеся в виде литографированных изданий, его статьи и монографии, позволяют отчасти эксплицировать исследовательские установки и методы работы в формулировках самого Ламанского, не касаясь частных интерпретаций и конкретного содержания его лекций.

Методологический арсенал, который в лекциях Ламанский предлагал ученикам не отличался оригинальностью и разнообразием. Он сводился к сочетанию синтетического и аналитического методов, критике источников и исследовательской литературы, а также сравнительному методу. «Каждая наука, – отмечал Ламанский во вступительной лекции, – предполагает двоякого рода деятельность или направление, аналитическое и синтетическое: одно собирает были и данные, исследует частности, другое открывает в них законы и начала» [13, с. 2]. Свой университетский курс он считал аналитическим, хотя вступительная лекция была посвящена синтетическому подходу или «философско-историческим воззрениям». В наиболее известных публикациях Ламанского также синтез преобладал над анализом, да и в целом он сам был больше склонен к синтетическим (в духе философии истории или политической географии) построениям. В другой формулировке сочетание анализа и синтеза Ламанский изъяснял как соотношение идей и фактов в ходе исследования. Он замечал, что «при занятиях наукою одинаково вредно останавливаться или на одних идеях или на одних фактах. Для успешных и благотворных занятий необходимо не гнать от себя общей идеи, но в тоже время, не забывать и факты, частности и подробности, могущие пролить свет на общее целое. При изучении целого нужно не забывать частностей, при изучении подробностей, второстепенных частей, надо иметь в виду целое» [20, с. 36–37].

В лекциях по славянским наречиям Ламанский отмечал, что методы славянской филологии состоят «во 1-х, в собирании возможно большего количества материалов для изучения и во 2, в научной критике собранных материалов» [20, с. 3]. Далее он уточнял область применения критики, «которая вносит в собранный материал систему, каждой вещи отводит надлежащее по значению место в ряду других собранных вещей, а некоторые и совершенно устраняет, как не пригодные для цели <...>. Что же такое научная критика? В кратких словах ее можно объяснить таким образом: под научной критикой разумеется проверка всякого источника, или памятника в его достоверности как с внешней, так и с внутренней его стороны. С внешней стороны проверяется, напр<имер>, та давность, которая ему приписывается; с внутренней стороны проверяется степень достоверности сообщаемых сведений» [20, с. 3–4]. В тоже время значение науки заключается не только в изучении источников и их критике, но и в раскрытии новых перспектив, тем, вопросов, проблем. «Всякая наука, – рассуждал Ламанский, – развивается и подвигается вперед двумя способами единовременно: критическою проверкою старых трудов, прежних пройденных наукою путей и постановкою и разрешением новых вопросов» [12, с. 6]. В славистику Ламанский вошел как раз благодаря обоснованию новых точек зрения и интерпретаций, часто выходящих за пределы славянской филологии. Не случайно К.Н. Бестужев-Рюмин в цитируемом письме отмечал в качестве заслуги Ламанского разработку вопроса о греко-славянском мире.

Сравнительный метод был хорошо известен в историко-филологических науках и до Ламанского. Он лишь указывал студентам на то, что «изучение Русской старины, народной речи, словесности и музыки только тогда пойдет у нас твердым, верным шагом и будет вполне отвечать современным требованиям науки, когда совершенно себе усвоит метод сравнительный и свяжется с изучением параллельных явлений у прочих Славянских народов» [7, с. 120]. Так, например, сравнительное изучение права может оказаться не бесполезным для русского законодательства. Более того, по мысли Ламанского, сравнительный метод способен вывести гуманитарные науки на уровень познания точных наук. В рукописи, посвященной разбору одной из статей Н.И. Костомарова, он замечал, что «в самом деле, если в историко-нравственных науках есть метод, наиболее приближающийся к методу точных наук, то это, конечно, метод сравнительной филологии и лингвистики» [28, л. 3].

1890 г. стал во многом поворотным в научной биографии Ламанского. Отслужив 25 лет по ведомству министерства народного просвещения, он перешел в разряд заслуженных профессоров. В этом же году стал выходить издававшийся и редактировавшийся им этнографический журнал «Живая старина». Ламанский был приглашен читать лекции в Академии генерального штаба, которые позволили сосредоточиться на более общих вопросах славянской (и шире восточно-европейской) истории и культуры, реализовать тот синтетический подход, к которому он всегда тяготел. В университете Ламанский в эти годы приступил к чтению общего курса «Введение в славяноведение», в котором также исходил из разработанной еще в докторской диссертации историософской концепции греко-славянского мира. Все это позволило ему подготовить в 1892 г. обобщающий труд – «Три мира Азийско-Европейского материка», – в котором он подводил итог своим философским воззрениям. Сам Ламанский числил свою концепцию по ведомству политической географии, которая отчасти преодолевала некоторые славянофильские иллюзии. Этому предшествовало разочарование в панславистских идеалах, приведшее к конфликту Ламанского с рядом членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в бытность его председателем общества и редактором его «Известий» (1887–1888). Не случайно в письме 21 октября 1890 г. профессору Варшавского университета и редактору «Варшавского дневника» П.А. Кулаковскому он констатировал: «Пора обращать публику к серьезному изучению России» [29, л. 10 об.]. Ламанский все больше склонялся к разработке русской проблематики. Эволюция взглядов Ламанского прошла определенный цикл: он начинал с требования поддержки русского самосознания, которое привело его к славистике, занятия которой убедили его в необходимости разработки россиеведения. В такой эволюции не было ничего странного. Известно, что «славянофильство» не было самоназванием того направления, сторонником которого считал себя Ламанский. Кружок А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина обозначал себя как «московское» (в противоположность «петербургскому») или «православно-русское» направление. Русская тематика всегда была для славянофилов предпочтительнее общеславянской. Историософия Ламанского, выросшая из славянофильской критики европейских воззрений (в данном случае на славянство), вполне закономерно, т. е. повинуясь внутренней логике самой концепции, переросла в политико-географическое учение о трех цивилизационных мирах, где России и русскому народу было отведено системообразующее положение в греко-славянском или среднем мире. «Таким образом, – заключает Н.И. Недашковская, – “совершенно логично” Российская империя в тексте Ламанского становится естественным и постоянным центром культурно-географического и политического тяготения этого разнообразного в этнографическом отношении мира» [30, с. 161]. Русский народ выступал «центростремительной» (по терминологии Ламанского) силой среднего мира, удерживая его единство благодаря своему государственному инстинкту и творческой мощи русского языка. Перефразируя П.Я. Чаадаева, можно сказать, что для Ламанского главный вопрос философии истории – это вопрос о русской нации, т. е. народе, обладающем сильной государственностью и развитым научным и литературным языком, позволяющим ему выступать основой греко-славянской цивилизации.

Литература и источники

1. Линниченко И.А. Патриарх русского славяноведения: Владимир Иванович Ламанский // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 244–253.
2. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник: Избранное 2000 – 2004. М.: РГГУ, Издательство С.С. Иполитова, 2004. С. 60–84.
3. Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LXIII. С. 1–46.
4. Малинов А.В. «Славянский мир» или «русский космос» (о нереализованном издательском проекте В. И. Ламанского) // Альманах «Русский міръ». № 6. СПб.: Русская культура, 2011. С. 32–47.
5. Малинов А.В. Русская философия: исследования, история, историография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 208 с.
6. Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282.
7. Ламанский В.И. Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Часть I. Изучение Славянства и Русское народное самосознание // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Ч. CXXXIII. С. 116–153.
8. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1859. 370 с.
9. Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1859. 230 с.
10. Дашкевич Н.П. Смена вековых традиций в отношениях народов Запада к Русским // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб.: В тип. Имп. АН, 1908. Часть вторая. С. 1375–1415.
11. Исаева О.С., Кошарный В.П. Об источниках геосоциологии классического евразийства // Известия учебных заведений. Поволжский регион. 2015. № 2 (34). С. 112–120.
12. Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: В типогр. А.А. Краевского, 1865. 92 с.
13. Ламанский В.И. Вступительное чтение Доцента Петербургского университета В.И. Ламанского. М.: В типографии Бахметьева, 1865. 32 с.
14. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 55.
15. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.
16. Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М.: в Университетской типографии, 1867. 473 с.
17. Первые 15 лет существования Петербургского Славянского Благотворительного Общества по протоколам общих собраний его членов, составленное в 1868-83. СПб.: В тип. А.М. Котомина, 1883. 882 с.
18. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 48.
19. Ламанский В.И. [рецензия] Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // Живая старина. 1890. Выпуск II. С. 218–233.
20. Ламанский В.И. Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В.И. Ламанским за 1880–1981 акад. год [СПб.:] Литография Гробовой. Б. г. 210 с.
21. Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. вторая. Пг., 1921. С. 104–133.
22. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.
23. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 215.
24. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1883. XX + 495 с.
25. Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. XCI + 506 с.
26. Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 1–2. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук и историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, 1907–1908. 1479 с.
27. Лаптева М.П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Издательство «Индрик», 2005. 848 с.
28. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 114.
29. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 572. № 158.
30. Недашковская Н.И. «Европа есть собственно полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Гуманитарные науки. С. 157–163.

References

1. Linnichenko I.A. *Patriarkh russkogo slavyanovedeniya: Vladimir Ivanovich Lamanskii* [Patriarch of Russian Slavic Studies Vladimir Ivanovich Lamanskii], *Golos minuvshego* [Voice of the past]. 1915, no. 2, pp. 244–253.
2. Saprikina O.V. *Akademik V.I. Lamanskii: patriarkh russkogo slavyanovedeniya* [Academician V.I. Lamanskii: Russian Patriarch of Slavic Studies], *Novyi istoricheskii vestnik: Izbrannoe 2000–2004* [The new historical Herald: Excerpts 2000–2004.]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, S.S. Ipolitova Publ., 2004, pp. 60–84.
3. Lamanskii V.I. *O rasprostranenii znanii v Rossii* [On the propagation of knowledge in Russia] *Sovremennik.* [Contemporary]. 1857, vol. LXIII, pp. 1–46.
4. Malinov A.V. *«Slavyanskii mir» ili «russkii kosmos» (o nerealizovannom izdatel'skom proekte V. I. Lamanskogo)* [«Slavic world» or «Russian space» (on the unrealized publishing project of V.I. Lamansky)], *Al'manakh «Russkii mir»* [Almanac «Russian Mir»]. no. 6. Sankt-Peterburg: Russkaya kul'tura, 2011, pp. 32–47.
5. Malinov A.V. *Russkaya filosofiya: issledovaniya, istoriya, istoriografiya* [Russian philosophy: studies, history, historiography]. Sankt-Petersburg: Politekhnicheskogo universiteta Publ., 2013, 208 p.
6. Malinov A.V. *A.S. Lappo-Danilevskii i proekt izdaniya sbornika «Russkaya nauka»* [A.S. Lappo-Danilevsky and the project of edition of the collection «Russian science»], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of history of science and technology]. 2016, no. 2, pp. 269–282.

7. Lamanskii V.I. *Chteniya o slavyanskoi istorii v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. Chast' I. Izuchenie Slavyanstva i Russkoe narodnoe samosoznanie* [Reading about Slavic history in the Imperial St. Petersburg University. Part I. Study of Slavs and of Russian national identity], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. 1867, Ch. CXXXIII, pp. 116–153.

8. Lamanskii V.I. *O slavyanakh v Maloi Azii, v Afrike i v Ispanii* [On the Slavs in Asia Minor, in Africa and in Spain]. Sankt-Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1859. 370 p.

9. Lamanskii V.I. *Istoricheskie zamechaniya k sochineniyu «O slavyanakh v Maloi Azii, v Afrike i v Ispanii»* [Historical notes to work «On the Slavs in Asia Minor, in Africa and in Spain»]. Sankt-Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1859. 230 p.

10. Dashkevich N.P. *Smena vekovykh traditsii v otnosheniyakh narodov Zapada k Russkim* [Changing the age-old traditions of the relation of western peoples to Russians], *Sbornik statei, posvyashchennykh pochitatelyami akademiku i zasluzhennomu professoru V.I. Lamanskomu po sluchayu pyatidesyatiletiya ego uchenoi deyatel'nosti* [Collection of articles devoted by admirers of academician and professor emeritus V.I. Lamanskii on the occasion of the fiftieth anniversary of his scientific activity]. Sankt-Petersburg: tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1908, Chast' vtoraya [Part II], pp. 1375–1415.

11. Isaeva O.S., Kosharnyi V.P. *Ob istochnikakh geosotsiologii klassicheskogo evraziistva* [On the sources of classical Eurasianism's geosociology], *Izvestiya uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region* [Proceedings of schools. Volga region]. 2015, no. 2 (34), pp. 112–120.

12. Lamanskii V.I. *Natsional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskom i literaturnom otnosheniyakh* [Italian and Slavic Nationalities in political and literary relation]. Sankt-Petersburg: V tipografii A.A. Kraevskogo, 1865, 92 p.

13. Lamanskii V.I. *Vstupitel'noe chtenie Dotsenta Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskogo* [Introductory Reading of Assistant Professor of St. Petersburg University V.I. Lamansky]. Moscow: v tipografii Bakhmet'eva, 1865, 32 p.

14. *Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN (SPbF ARAN)* [Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive], f. 35, op. 3, ed. khr. 55.

15. *SPbF ARAN.* f. 35, op. 1, ed. khr. 44.

16. *Vserossiiskaya etnograficheskaya vystavka i slavyanskii s"ezd v mae 1867 goda* [The All-Russian ethnographic exhibition and Slavic Congress in May 1867]. Moscow: v Universitetskoi tipografii, 1867, 473 p.

17. *Pervye 15 let sushchestvovaniya Peterburgskogo Slavyanskogo Blagotvoritel'nogo Obschestva po protokolam obschikh sobranii ego chlenov, sostavlennoe v 1868–83* [The first 15 years of existence of the St. Petersburg Slavic Charitable Society according the protocols of the general meetings of its members, composed in 1868–83]. Sankt-Petersburg: tipografii A.M. Kotomina, 1883. 882 p.

18. *SPbF ARAN.* f. 35, op. 3, ed. khr. 48.

19. Lamanskii V.I. *[retsenziya] Pypin A.N. Istoriya russkoi etnografii. T. II. Obschii obzor izuchenia narodnosti i etnografiya velikorusskaya. SPb., 1891. IV + 428 str.* [Review: Pypin A.N. History of Russian Ethnography. T. II. Overview of the study of folk and ethnography of Great Russian. SPb., 1891. IV + 428 pp.], *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1890, no. II, pp. 218–233.

20. Lamanskii V.I. *Lektsii po slavyanskim narechiyam, chitannye professorom S.-Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskim za 1880–81 akad. god* [Lectures on the Slavic dialects, given by Professor of St. Petersburg University V.I. Lamanskii in 1880–1981 academic year] [Sankt-Petersburg:] Litografiya Grobovoi. Bez goda. 210 p.

21. Platonov S.F. *Neskol'ko vospominanii o studencheskikh godakh* [A few memories of student years], *Dela i dni. Istoricheskii zhurnal* [Affairs and days. Historical Journal], 1921, no. 2. Petrograd, 1921, pp. 104–133.

22. *SPbF ARAN.* f. 35, op. 1, ed. khr. 1.

23. *SPbF ARAN.* f. 35, op. 1, ed. khr. 215.

24. *Sbornik statei po slavyanovedeniyu, sostavlennyi i izdannyi uchenikami V.I. Lamanskogo po sluchayu 25-letiya ego uchenoi i professorskoi deyatel'nosti* [A collection of articles on Slavonic studies, compiled and published by the students of V.I. Lamansky on the occasion of the 25th anniversary of his scientific and professorial activity]. Sankt-Petersburg: tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1883. XX + 495 p.

25. *Novyi sbornik statei po slavyanovedeniyu, sostavlennyi i izdannyi uchenikami V.I. Lamanskogo pri uchastii ikh uchenikov po sluchayu 50-letiya ego ucheno-literaturnoi deyatel'nosti* [The new collection of articles on Slavonic studies, compiled and published by the students of V.I. Lamansky with the participation of their students on the occasion of the 50th anniversary of his erudite and literary activity]. Sankt-Petersburg, 1905, XCI + 506 p.

26. *Sbornik statei, posvyashchennykh pochitatelyami akademiku i zasluzhennomu professoru V.I. Lamanskomu po sluchayu pyatidesyatiletiya ego uchenoi deyatel'nosti. Chasti 1–2* [The collection of articles devoted by admirers of academician and professor emeritus V.I. Lamanskii on the occasion of the fiftieth anniversary of his scientific activity. Parts 1–2]. Sankt-Peterburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk i istoriko-filologicheskii fakul'tet Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1907–1908, 1479 p.

27. Lapteva M.P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [The history of Slavic Studies in Russia in the XIX century]. Moscow: «Indrik» Publ., 2005, 848 p.

28. *SPbF ARAN.* f. 35, op. 2, ed. khr. 114.

29. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom) RAN (RO IRLI RAN)* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences], f. 572, no. 158.

30. Nedashkovskaya N.I. *"Evropa est' sobstvenno poluostrov Asii": prostranstvennye ideologemy v nauchnykh tekstakh slavistiki XIX veka* ["Europe itself is an Asian peninsula": Spatial Ideologems in the Slavistic scholar texts of the XIXth Century], *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Kazan' State University]. 2009, Vol. 151, Book 2, Part 1. Humanities, pp. 157–163.

© Клио, 2016
© Малинов А.В., 2016